

Слишком много «Догмы»

Известия — 2002 — 1 мая — с. 10

Жан-Марк Барр прикинулся лучшим другом Ларса фон Триера



Несчастный брак: Лайл (слева) добивается от жены любви, но ничего не получит

В четверг в кинотеатре «Пять звезд» состоялась московская премьера фильма известного французского актера Жан-Марка Барра «Слишком много плоти», которая является его второй режиссерской работой в кино. Прокатчики решили знакомить российскую публику с творчеством Барра в шахматном порядке: первую его работу под названием «Любовники» покажут 8 января, а затем подоспеет и третья часть «трилогии свободы», снятой по собственному сценарию совместно с Паскалем Арнольдом под заметным влиянием дружбы с Ларсом фон Триером.

Алексей ДЕМИН

История, рассказанная в картине «Слишком много плоти», проста, как система размножения. В глухой американской деревушке живет простак по имени Лайл (Жан-Марк Барр), которому его первая в жизни женщина сказала, что с его детородным органом что-то не так. То ли кривоват, то ли великоват, словом, не входит — не выходит,

и вовсе не замечательно ЭТО с ним выходит. Лайл ей поверил и двадцать лет избегал близких отношений с противоположным полом, в том числе и с законной женой (Розанна Аркетт), которая подобному обстоятельству была только рада. Возможно, пришлось бы простофилю всю жизнь удовлетворяться самостоятельно в перерывах между сборкой урожая кукурузы, но тут приехала в деревню вместе с известным писателем одержи-

мая по части телесных ощущений француженка (Элоди Буше), сделала творческому работнику ручкой и всю принялась помогать Лайлу навёрстывать упущенное. В оставшиеся шестьдесят минут любовники (но не влюбленные) занимаются сексом. В кукурузном поле, в заброшенном трейлере, на кухне папы Лайла, на папиной тахте, на веранде, за углом дома во время народного гулянья. Деревенские мужики, понятное дело, Лайлу завидуют — мозгов нет, а парижская штучка всегда под боком. И ничем хорошим дело не заканчивается.

Когда-то в пору ранней юности я мечтал стать кинорежиссером, и один добрый знакомый посоветовал мне начать с порнофильмов: мол, и денег заработаешь, и особого таланта иметь не надо. Я сильно тогда разозлился

и кино снимать вообще не стал. Сейчас же, после чудесного изобретения датчанина Ларса фон Триера, вопрос о дебюте в кинорежиссуре решается просто и совсем безобидно для начинающего: делай под «Догму» — и дешево, и возможные огрехи можно списать на требования догматического «Манифеста». Так что от Барра, который не только снялся в трех фильмах фон Триера, но и водит с ним крепкую дружбу, ничего другого в первых режиссерских работах, наверное, нельзя было даже ожидать.

И все равно за него обидно. Прежде Жан-Марк изучал философию, переводил на французский Шекспира, дружил с дельфинами в «Голубой бездне» Люка Бессона, нырял в морские глубины наперегонки с Жаном Рено и играл у Триера роли европейцев-интеллектуалов. Те-

перь он изучает шесть примитивных постулатов «Догмы» и вместо размышлений о судьбах Европы произносит в кадре: «Хм-хм-хм!», глупо при этом улыбаясь.

Будь я кинокритиком, я, возможно, увидел бы в фильме Барра и Арнольда скрытую в каждом кадре гамму чувств, олицетворение борьбы человека за свободу в опутанном моральными устоями обществе и многое, многое другое. Но я не увидел. Я смотрел на то, как некий Форрест Гамп неизвестной конструкции живет регулярной половой жизнью, и не «понимал», в чем заключается трагизм ситуации. Никакой глубины, никакой новизны, одна сплошная плоть. Лучше бы, право, Барр снял порнуху — уж больно хороша Элоди Буше в качестве нового французского секс-символа.